

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Лен Брэкен
Стратегическое сознание
1994

Скопировано 28.01.2014 с <https://vk.com/anarcholibrary>
Выходные данные: опубликовано в журнале Extraphile,
№3, осень 1994 г., по-русски – в журнале «Аспирин не
поможет», №3, 1995 г. Перевод М.Ц.

ru.theanarchistlibrary.org

Стратегическое сознание

Лен Брэкен

1994

Вы всегда можете уклониться от объявления атаки, каждой из сторон также разрешается двигать меньше, чем пять единиц, или не двигать ни одной.

Ги Дебор, *Kriegspiel*

Дебор хорошо известен своим духом отрицания. Позитивное содержание его стратегий обычно игнорируется заодно с его победами. В эпоху, которая стремится затуманить различия, лежащие в основе социальных конфликтов, мы часто забываем о том, что цель всякой стратегии есть отрицание врага. Выбрав в качестве своего противника общество зрелища, Дебор тем самым выбрал бесконечную стратегическую игру.

Честный взгляд на жизнь этого человека позволяет увидеть замечательное применение диалектики, - его признанные враги больше не могут скрывать своего восхищения "черной дырой", созданной его пожизненным отказом подыгрывать зрелищу, и теперь даже самые консервативные из его противников вынуждены признать значимость его критики современной мусорной культуры. Книги Дебора печатаются Gallimard и Les Belles Lettres, самыми

престижными книжными издательствами во Франции. Более того, ситуационистам сегодня отдают должное в том, что касается их роли в истории мая 1968 года, - они были единственной группой, призывавшей расширить и радикализовать студенческие протесты, превратив их в то, что стало первой в истории человечества всеобщей дикой забастовкой. Чтение мемуаров Дебора заставляет меня думать, что на личном уровне ему действительно удалось реализовать гедонистическую стратегию жизни, о которой говорил Аристипп, используя людей и ситуации для удовлетворения своих желаний. Это стратегическое сознание присутствует во всех работах Дебора, показывая, что у него была голова военачальника и сердце поэта.

"Я изучал логику войны. Более того, еще очень давно мне удалось представить ее основные движения в виде простой настольной игры, - соперничающих сил и противоречивых потребностей, влияющих на действия двух сторон. Я играл в эту игру и зачастую в трудных перипетиях моей жизни я использовал ее уроки - я установил самому себе правила игры в жизни и следовал им... Сумел ли я правильно использовать эти уроки, пусть судят другие", Ги Дебор "Панегирик".

Как могут уроки абстрактного стратегического упражнения между двумя людьми иметь значение в конкретной ситуации, в которую вовлечено множество людей? Тем не менее Дебор утверждает, что его игра воспроизводит "диалектику всех конфликтов". "Kriegspiel" это применение "общей теории войны". Мне сразу приходит на ум книга Жана-Поля Шарнея "Общий очерк стратегии". Как и Дебор, Шарней усматривает стратегию "в революционной борьбе в той же мере, что и во всякой крупной войне, в играх в той же мере, что и любви, в экономической конкуренции в той же мере, что и в идеологической борьбе".

Чтение книги Шарнея позволяет представить Дебора в новом свете. Например, изучение стратегии позволяет обновить концептуальный аппарат, используемый для того, чтобы понять замыслы противника. Чего добился Дебор, отказываясь от интервью в зрелищных масс медиа? С одной стороны, он не дал обойти себя с флангов, с другой стороны, он смог понять их лучше, чем они могли понять его. Стратегия - это средство создавать и исправлять искажения.

Скрытые социальные конфликты особенно подвержены действию не прямых стратегий. Как писал Токвиль, "лучшая безопасность режима - это лояльность граждан". Другими словами, в центре всякой борьбы всегда находится население. Главная цель революционной войны это не захват пространства или уничтожение противника, а завоевание населения. Для того, чтобы нарушить общественное равновесие мы должны возбуждать сомнение в традиционных верованиях, трансформировать существующие структуры в конфликты. Надо убедить людей в том, что существующий порядок не является наилучшим возможным порядком и что намерения революционеров не так уж плохи.

В отличие от большинства других революционеров, отрицание ситуационистов носило скорее эгоистический, чем альтруистический характер. Именно поэтому они не пережили сопровождающего почти всякую революционную борьбу упадка альтруизма и скатывания к насилию. Они вовсе не хотели, чтобы все стали ситуационистами, они скорее наслаждались различиями в человеческом существовании и предлагали людям организовать на началах автономии. Только во время майских событий 1968-го, - когда все только и добивались, что реформ в университете, а профсоюзные и коммунистические лидеры подписали соглашение с правительством, - ситуационисты призвали

к дикой забастовке. Оглядываясь на эти события мы отчетливо видим, что ситуационисты прекрасно понимали, что дикая забастовка - это лучшее оружие, более того, они знали, что буквально все были готовы и хотели пойти на эту забастовку.

Откуда же они могли это знать? По крайней мере, уже в пятидесятые годы Дебор, экспериментировавший со своей жизнью, знал, что работа - это слабое звено капиталистической системы. Работа это и сегодня лучшее оружие, которое можно использовать в социальных конфликтах. Уничтожение труда одновременно носит теоретический и реальный характер, - это действенная стратегия, которая потенциально доступна каждому.

Все вопросы стратегии всегда сводятся к следующему - что срывает? Проблема состоит в том, что у нас почти не осталось места для маневра, когда ставки столь высоки, как сегодня. В эру электронной войны и оружия, эффективность действия которого испытана на крысах, баррикады и уличная агитация кажутся заранее проигрышными. Шарней пишет об анти-стратегии "креативистов" и "спонтанистов" (имея в виду тот же 68-ой год), как об удачной, переходной стратегии, не имеющей в качестве своей цели затвердевание институтов. Он проводит различие между анти-стратегией и а-стратегией (отсутствием стратегии), которая заключается в принесении себя в жертву игре случая. Между эффективной стратегией подрывной деятельности и авантюризмом - большая разница.

Шарней помог мне понять, что теория ситуационистов это прежде всего стратегическая теория. В силу своих интересов я искал в Деборе философа и был сильно разочарован его опорой на Лукача, Манхейма и Габеля. Он был прежде всего стратегическим теоретиком. Как пишет все тот же Шарней, философия приходит после стратегии. Главная работа Дебора - "Общество зрелища" - называет

врага и производит замечательный синтез революционной борьбы последних двух веков, чтобы затем перейти к атаке на общество зрелища. Что же касается настольной игры Дебора, она должна была способствовать возникновению стратегического мышления. По сравнению с очень конкретными, но достаточно самоубийственными "предложениями... которые должны быть безотлагательно реализованы на практике" [брошюра другого известного ситуациониста] Рауля Ванейгема, абстрактная игра Дебора кажется гораздо более реалистичным и значимым предложением.